

АЛЬБЕРТ ЛАШЁВ

МАРИЯ
МАГДАЛИНА

ЖЕНЩИНА,
КОТОРОЙ НЕ ДАЛИ ИМЕНИ

КНИГА 4
из цикла

«ВЕЛИЧАЙШАЯ ПОДМЕНА»

Альберт Лашёв
Мария Магдалина. Женщина,
которой не дали имени
Серия «ВЕЛИЧАЙШАЯ
ПОДМЕНА», книга 4

*<https://litres.ru/74080916>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Осенью 591 года Папа Григорий Первый в одном абзаце соединяет трёх разных женщин Евангелий в одну блудницу. Без источников. Без доказательств. За триста лет до этого Ипполит Римский называл её *Apostola Apostolorum* — апостол апостолов. Григорий этот титул не опровергал. Он его просто перекрыл.

Прошло четырнадцать столетий. В 1969 году Рим тихой правкой в литургическом календаре убрал её связь с грешницей. Без объяснений. Просто вычеркнул.

Это расследование восстанавливает то, что было до Григория. Её имя — не топоним, а титул: башня, финальный хранитель, тот кто унесёт самое ценное когда крепость падёт. Папирус 66 из Женевской библиотеки хранит видимые следы редактуры: её имя переправлено на другое прямо в рукописи второго века. В

Pistis Sophia из ста пятнадцати ключевых вопросов она задаёт шестьдесят семь. Пётр — семь.

Радомир назвал её наследницей. Не ученицей. Наследницей.

Содержание

Начало	5
I. ТО, ЧТО О НЕЙ ЗНАЕТ КАЖДЫЙ	6
II. ПЕРВАЯ УЛИКА. ЕЁ ИМЯ.	9
III. ВТОРАЯ УЛИКА. ЕЁ ПОЛОЖЕНИЕ.	13
IV. ТРЕТЬЯ УЛИКА. ЕЁ РЕЧЬ.	16
V. ЧЕТВЁРТАЯ УЛИКА. PISTIS SOPHIA.	20
VI. ПЯТАЯ УЛИКА. ЕЁ ВЛАДЕНИЕ ТЕКСТАМИ.	22
VII. ШЕСТАЯ УЛИКА. ЕЁ УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ.	24
VIII. СЕДЬМАЯ УЛИКА. ОТКУДА ЭТО ВСЁ В НЕЙ.	26
IX. ВОСЬМАЯ УЛИКА. КТО ПРИБЫЛ С НЕЙ.	29
X. ДЕВЯТАЯ УЛИКА. ТО, ЧТО МЕСТО ХРАНИЛО ДО НЕЁ.	32
Конец ознакомительного фрагмента.	35

**Альберт Лашёв
Мария Магдалина.
Женщина, которой
не дали имени**

Начало

ГЛАВА I.

ЖЕНЩИНА, КОТОРОЙ НЕ ДАЛИ ИМЕНИ.

I. ТО, ЧТО О НЕЙ ЗНАЕТ КАЖДЫЙ

Спроси любого человека на улице — кем была Мария Магдалина. Ответ придёт быстро: грешница, блудница, раскаявшаяся женщина у ног Христа. Длинные волосы, которыми она вытирала Ему ноги. Алебастровый сосуд с миром. Слёзы. Стыд.

Этот образ существует без малого четырнадцать столетий. Он живёт в живописи — от Боттичелли до Караваджо. Он живёт в литературе — от средневековых легенд до Дэна Брауна. Он живёт в кино, в музыке, в воскресных проповедях. И его невозможно стереть из массового сознания одним актом —, потому что его создавали не одним актом. Его создавали целенаправленной операцией, которая длилась столетиями.

Но у этой операции есть точка отсчёта. И у точки отсчёта есть имя.

Осенью 591 года Папа Григорий Первый произносит свою 33-ю проповедь из цикла «Бесед на Евангелия» — *Homiliae in Evangelia*. И в одном абзаце он соединяет трёх разных женщин Евангелий в одну. Безымянную грешницу из Луки 7. Марию из Вифании, сестру Лазаря. И Марию Магдалину.

«Та, которую Лука называет грешницей, которую Иоанн зовёт Марией, мы верим, что это та Мария, из которой по

словам Марка вышли семь демонов. И что означают эти семь демонов, если не все пороки? Очевидно братья — эта женщина прежде использовала мир для умощения плоти в запретных деяниях».

Один абзац. Произнесённый с папской кафедры в Риме. Зафиксированный в проповеди, которая войдёт в богослужбное наследие Запада. Источник одного из самых живучих оговоров в истории человечества.

Здесь важно остановиться на одной детали, о которой почти никто не знает. Григорий не выдумал этот образ из ничего. Он закрепил то, что уже формировалось. Но — и это критически важно — он закрепил образ, который ставился поверх уже существовавшего древнего голоса.

За триста лет до Григория, в третьем веке, Ипполит Римский — один из крупнейших богословов раннего христианства — называл Марию Магдалину *Apostola Apostolorum*. Апостол апостолов. Та, которая была послана к посланным. Этот титул жил в литургической памяти ранней Церкви. Григорий не «впервые её осмыслил». Он перекрыл голос, который существовал три столетия до него.

Это не интерпретация — это замена.

И прошло без малого четырнадцать веков, прежде чем замена была отменена.

14 февраля 1969 года Папа Павел Шестой в реформе литургического календаря *Mysterii Paschalis* тихо убирает отождествление Магдалины с грешницей. Восстанавливает

древний титул Apostola Apostolorum. Тот самый, который дал ей Ипполит в третьем веке. Который Григорий перекрыл в шестом. Который Рим скрывал тысячу триста семьдесят восемь лет.

Это не извинение. Это даже не объявление. Это техническая правка в литургическом календаре. Без объяснений почему. Без вопроса как такое было возможно. Просто вычеркнули.

Сорок шесть поколений людей рождались и умирали с верой в то, что Магдалина была блудницей. Художники писали её с искажённым лицом. Проповедники приводили её в пример падшей женщины, обретшей прощение. Имя её стало нарицательным — в английском слово *maudlin* от *Magdalene* означает «слезливый, сентиментальный, размякший». Языки несли клевету как генетическую память.

И сегодня — даже после 1969 года — на улице тебе скажут то же самое. Потому что сорок шесть поколений не растворяются за полвека.

Это не ошибка. Это успешная операция.

И начать расследование надо с самого простого вопроса: если она не была тем, кем её сделали — кем она была?

II. ПЕРВАЯ УЛИКА. ЕЁ ИМЯ.

Тысячу с лишним лет считалось понятным. Мария Магдалина — Мария из города Магдала на Галилейском море в Палестине. Имя плюс место рождения. Прозрачная этимология.

С 2021 года эта простота оспаривается серьёзной академической работой. Джоан Тейлор из Кингс-колледжа в Лондоне и Элизабет Шрадер опубликовали исследование в *Journal of Biblical Literature*, где доказывают: Magdalene — не топоним. Это титул.

Иероним знал это ещё в пятом веке. Тот самый Иероним, который переводил Библию на латынь и знал арамейский и иврит лично. Он писал: «Мария Магдалина получила эпитет укреплённая башнями из-за её серьёзности и силы веры — и была удостоена увидеть восставшего Христа первой даже прежде апостолов».

Migdal по-арамейски — башня. От глагола gadal — быть великим, быть сильным. Не пассивная высота — активная функция. Башня крепости. Башня охраны. Башня хранителя. То, что стоит выше. То, что выдерживает удар, когда всё остальное падает.

Здесь нужно остановиться и объяснить, что эта параллель действительно доказывает. Потому что просто сказать «титул, а не место» — недостаточно. Читатель спросит: ну и

что? И будет прав.

Смотри как Радомир называл людей вокруг себя. Симон получил от него титул Кифа — по-гречески Пётр — Камень. Иаков и Иоанн получили титул Боанергес — Сыны Грома. Симон по прозвищу Зилот — Ревностный. Нафанаил — «без лукавства», то есть архивариус, хранитель подлинных записей.

У каждого имени есть смысл. И смысл этот не случаен. Это функциональные звания. Звания, которые описывают роль человека в плане. В операции. Радомир называл людей не по их деревне или по их роду. Он называл их по тому, что они делали в общем деле.

Пётр-Камень — основание, тот на ком строится структура. Сыны Грома — те, кто пробивает себе путь силой убеждения, открывает двери высшего духовенства через семейные связи Зеведея с домом Анны. Симон Зилот — тот, кто обеспечивает связи с подпольем. Нафанаил — тот, кто хранит архив.

Это система. Каждый получил имя, соответствующее его роли. И каждое имя — это публичное обозначение функции человека в плане Радомира.

И теперь Магдалина-Башня встаёт в этот ряд. Башня — это финальный хранитель. Тот, к кому передают на сохранение то, что нельзя потерять. Тот, кто выстоит, когда крепость падёт. Тот, кто унесёт самое ценное. Если Радомир назвал её Башней — значит он отвёл ей именно эту роль. Не любов-

ницы. Не последовательницы. Финального хранителя плана. Той, которая увезёт то, что нельзя оставить. Той в чьих руках окажется то, ради чего стоила сама операция. Это не литературная параллель — это структурное обозначение. И теперь, когда мы посмотрим в источниках что она делала на деле — мы увидим, что она выполнила именно эту функцию. Увезла архив на запад. Сохранила линию. Дошла туда, куда римские агенты не смогли дотянуться. Радомир дал имя по функции — и она исполнила функцию.

И есть ещё одно подтверждение этой переоценки её имени — гораздо более серьёзное чем литературная гипотеза. В 2017 году та же Элизабет Шрадер опубликовала в *Harvard Theological Review* исследование Папируса 66 — древнейшей сохранившейся полной рукописи Евангелия от Иоанна, датируемой концом второго — началом третьего века. Это физический документ. Лежит в Женеве, в Бодмеровской библиотеке. Шрадер изучала его под микроскопом. И обнаружила то, что меняет всё. На физической поверхности папируса видны следы редакторской правки. В рассказе о воскрешении Лазаря имя «Мария» в нескольких местах переправлено на «Марфа». Глаголы переделаны из единственного числа во множественное. Под исправленными буквами видны изначальные. Это не теория. Это палеография. Видимая глазу через увеличение работа древнего редактора, который физически переписывал имена.

Что это, значит, для нас. Кто-то — уже во втором или тре-

тьем веке — менял роль Марии в самом тексте Евангелия. Удалял её там, где она была. Дробил одну женщину на двух — Марию из Вифании и Марию Магдалину — там, где это нужно было для размывания фигуры. Операция «убийства имени» началась не с Григория. Григорий завершил её в шестом веке проповедью. Но саму редактуру начали тремя столетиями ранее. На уровне самой рукописной традиции. На уровне чернил по папирусу. Это палеографическое доказательство того, что её роль редактировалась.

III. ВТОРАЯ УЛИКА. ЕЁ ПОЛОЖЕНИЕ.

Лука восьмой главы, стих первый. Самое прозаическое и самое выдающееся место во всех канонических Евангелиях.

«Мария, называемая Магдалиной — из, которой вышли семь демонов. С ней Иоанна жена Хузы домоправителя Иродова. Сусанна. И многие другие — которые служили Ему имением своим».

Прочитай это медленно.

Магдалина названа первой. Перед Иоанной. А Иоанна — жена высокопоставленного чиновника при дворе Ирода Антипы. Это уровень. Это римско-иудейская элита. И, тем не менее, Магдалина — впереди неё. Это значит: либо она была выше по социальному статусу, либо она была главной в группе. Либо и то и другое.

Дальше: *«служили Ему имением своим»*. То есть это группа женщин, которые финансируют миссию Радомира из собственных средств. Не просто следуют — содержат. Имеют деньги. Имеют независимый доступ к ресурсам. И тратят их по своему решению. В первом веке это не положение свободной молодой женщины из деревни. Это положение либо вдовы знатного рода, либо женщины с собственным родовым имуществом, либо жрицы с храмовыми ресурсами.

Дальше — алебастровый сосуд с миром. Тот самый, который потом стал визитной карточкой её клеветнического образа. Историки давно установили его стоимость. Плиний Старший в *Naturalis Historia*, книга двенадцатая, глава двадцать пять, приводит цены на нард — основу драгоценного мира того времени. Около трёхсот динариев за фунт. Один динарий — дневное жалование римского legionera. Сосуд в один фунт равнялся годовому жалованью.

Это не благочестивая женщина с маленькой склянкой. Это акт обладательницы значительного состояния, совершающей ритуал помазания.

И вот ключевое. Помазание в традиции первого века — не жест нежности. Это ритуальный акт. Помазывают царей. Помазывают первосвященников. Помазывают того, кто имеет на это право. И помазывает тот, кто имеет на это право.

Магдалина помазала Радомира сама. Не через священника храма. Не через официальную церемонию. Сама — собственным сосудом — собственной рукой. Это публичное объявление при свидетелях. Это акт жреческой власти, совершённый женщиной обладающей этой властью по праву своего посвящения.

И последнее — она путешествует без мужского сопровождения. В первом веке для еврейской женщины это поведение, требующее объяснения. Свободная — не ездит одна. Замужняя — тем более. Положение, которое перевешивает культурные нормы — это либо очень высокий социальный

статус, либо посвящённый статус в религиозной общине.

И ещё одна деталь, которую мало кто замечает. Семь демонов.

В стандартной интерпретации это была сильно больная женщина, которую Радомир исцелил от чего-то вроде эпилепсии или психического расстройства. Так читают сегодня даже самые либеральные комментаторы. Но в первом веке семь — не случайное число. Семь — это число небесных сфер. Число планет. Число ступеней посвящения в митраистских мистериях — и это устойчивый факт, ступеней действительно ровно семь: Corax, Nymphus, Miles, Leo, Perses, Heliodromus, Pater. Число архонтов в большинстве гностических космологий.

Семь демонов, которые покидают человека — это формула прохождения посвящения, не медицинский диагноз. И теперь посмотри на её собственные слова. И всё встанет на свои места.

IV. ТРЕТЬЯ УЛИКА. ЕЁ РЕЧЬ.

В 1896 году в Каире на антикварном рынке немецкий учёный Карл Райнхардт купил коптскую рукопись V века. Она содержала, среди прочего, Евангелие от Марии — текст, которого западное христианство не видело тысячу пятьсот лет.

В 1945 году в Наг-Хаммади египетский крестьянин нашёл кувшин с кожаными кодексами. Среди них — Евангелие от Филиппа, Евангелие от Фомы, Pistis Sophia. Тексты, которые лежали в земле семнадцать веков, потому что хранители знали: то, что они хранят — стоит жизни.

Здесь нужна честная оговорка, прежде чем мы пойдём дальше. Серьёзный исследователь возразит немедленно: Евангелие от Марии — текст второго века, не сама её речь. Академически это псевдоэпиграф. Это справедливо.

Но возражение работает только, если предположить, что в начале второго века кто-то от себя сочинил Марии такую эсхатологию. А именно — эсхатологию, содержащую технический язык митраистских мистерий, на территории, где митраизм был чужой и враждебной религией для христианских общин. Эсхатологию, использующую формулы прохождения архонтов из иранского зурванизма и египетских книг мёртвых — традиций недоступных среднему христианскому автору второго века в Египте или Сирии.

Это слишком специфичный материал, чтобы быть свободной выдумкой. Карен Кинг в монографии *The Gospel of Mary of Magdala* (2003) и Антти Марьянен в *The Woman Jesus Loved* (1996) показывают: религиозный язык текста плотно укоренён в иранско-герметической и египетско-гностической традициях первого века. Не сочинённый — переданный.

Это память о традиции. О её собственной традиции. Сохранённая в общинах, которые знали, что они хранят. И вот что в этой памяти звучит её голосом.

Это не богословский трактат и не молитва. Это техническое описание прохождения души через четыре Власти, последняя, из которых имеет семь форм.

«Когда душа победила третью Власть, она пошла вверх и увидела четвёртую Власть, которая приняла семь форм:

Первая — Тьма.

Вторая — Желание.

Третья — Невежество.

Четвёртая — Зов смерти.

Пятая — Царство плоти.

Шестая — Безумная мудрость плоти.

Седьмая — Мудрость гнева.

Это семь Властей гнева».

Власти спрашивают душу: «откуда ты приходишь, убийца людей, и, куда идёшь, покоритель пространства?»

Душа отвечает: «то, что связывало меня — убито, что

окружало меня — побеждено, моё желание окончено, и невежество умерло. В мире я была освобождена от мира, и в образе — от образа, который выше, и от цепи забвения, которая существует во времени».

Остановись.

Это не вера. Это не учение, услышанное от кого-то. Это техническое руководство. Прохождение уровней. Формулы ответов архонтам. Знание имён всех Властей. Знание правильных слов на каждой ступени. Эта эсхатология восходит к вавилонской астрологии и митраизму. Семь Властей — это семь архонтов планетарных сфер. Та же система, которая стояла за митраистскими мистериями семи ступеней посвящения. Та же структура, которую несли египетские книги мёртвых с их прохождением врат загробного мира.

Это не язык иудейской деревенской женщины, которая случайно встретила пророка и поверила. Это язык посвящённой. Той, которая прошла мистерии. Которая знает имена. Которая помнит формулы. Которая описывает свой собственный пройденный путь.

И второе. Её ответ Невежеству. «Они не познали меня. Я познала их». Это формула митраистского посвящения. В митраистских мистериях посвящаемый должен был на каждой ступени знать пароли. Тот, кто не знал — оставался внизу. Тот, кто знал — поднимался. Конечная степень *Pater Patrum* — Отец Отцов — была доступна только тому, кто прошёл все семь сфер. Душа в её рассказе знает все паро-

ли. Все имена. Всю структуру. Это знание не из иудаизма. В иудейской традиции первого века нет учения о семи Властях. Это знание из митраистских мистерий — той же традиции, откуда пришёл Радомир.

V. ЧЕТВЁРТАЯ УЛИКА. PISTIS SOPHIA.

Текст конца третьего века на коптском, переведённый с греческого. Действие — одиннадцать лет после Воскресения, когда Радомир продолжает учить узкий круг.

Из ста пятнадцати ключевых вопросов в тексте — шестьдесят семь задаёт Магдалина. Пётр задаёт семь. Соотношение — десять к одному. Это подсчёт Энн Грэхем Брок в её работе *Mary Magdalene, The First Apostle* (Harvard, 2002). Альтернативное чтение Стивена Шумейкера (*Journal of Early Christian Studies*, 2001) приписывает часть упоминаний Марии-матери, не Магдалине. Но даже по самому осторожному расчёту Шумейкера — Магдалина остаётся доминирующим вопрошающим, на порядок превосходя любого из апостолов. Спор о точной цифре не отменяет диспропорцию.

И вот как Радомир обращается к ней: *«Я доведу тебя до совершенства во всякой силе и во всякой полноте, от внутреннего внутренних к внешнему внешних, от того Невыразимого до тьмы тьмы».*

«Внутреннее внутренних». Это терминология древнеегипетских и эллинистических мистерий. Святое святых, святилище за святилищем. Это технический язык посвящения

высшей ступени. Радомир называет её: Pure Spirit — чистый дух. Blessed beyond all women on earth — благословенная превыше всех женщин на земле. Pleroma of pleromas — полнота полнот.

Pleroma — техническое слово гностической системы, означающее полноту божественных эманаций. Не комплимент. Не похвала. Точное обозначение в системе. Радомир называет её самой полнотой полноты. Это титул высшего ранга в её собственной мистериальной традиции.

И вот фраза, которая меняет всё: «Мария Магдалина и Иоанн Девственный превзойдут всех Моих учеников и всех людей, которые получают мистерии в Невыразимом — ибо они от света».

Она и Иоанн. Два самых близких. Те, кто получают полную систему. Те, кто превзойдут даже двенадцать.

В том же тексте Радомир говорит ей: *«Мария, ты — та, которая будет наследницей всего царства света».*

Наследница. Не ученица. Не последовательница. Наследница. Это слово в первом веке имело конкретный юридический смысл. Тот, кто получает имущество. Тот, кто продолжает род. Тот, к кому переходит право.

VI. ПЯТАЯ УЛИКА. ЕЁ ВЛАДЕНИЕ ТЕКСТАМИ.

В Pistis Sophia Магдалина не только спрашивает. Она толкует. Она интерпретирует Псалмы Давида. Она толкует Оды Соломона. Она открывает скрытый смысл текстов, которые её собеседники только знают наизусть.

Это деятельность жреца. Не ученицы.

В иудаизме первого века эзотерическое толкование священных текстов вели жреческие роды — левиты, саддукеи, ессеи Кумрана с их традицией пещера. Это была прерогатива немногих и почти исключительно мужская сфера. Женщина, которая публично толкует Псалмы Давида и Оды Соломона — это либо посвящённая равного с этими школами уровня, либо явление, которое в обычной иудейской среде первого века существовать не должно.

Магдалина толкует. Радомир подтверждает её толкования. Пётр и Андрей возражают — пытаются её остановить — но Левий и сам Радомир защищают её право говорить.

В Евангелии от Марии Пётр прямо спрашивает: *«неужели Он говорил с женщиной без нашего ведома?»* И Левий отвечает: *«Если Спаситель сделал её достойной — кто ты что отвергаешь её?»* Это не спор о праве женщины проповедовать. Это спор о праве посвящённой говорить с непосвящёнными.

ми в присутствии менее посвящённых. Внутренняя иерархия мистериальной общины, а не патриархат против феминизма.

Магдалина внутри круга стоит выше Петра. Это видно из текста. Это раздражает Петра. Это защищает Радомир.

VII. ШЕСТАЯ УЛИКА. ЕЁ УЧЕНИЕ О МАТЕРИИ.

В Евангелии от Марии Радомир в самом начале — перед уходом — оставляет с ней разговор о природе материи. И её собственное продолжение этого разговора показывает, что она думает.

«Природа материи растворяется только в корни своей природы. Та, что имеет уши слышать — да слышит».

Это не иудейская теология. В иудаизме Бог творит материю, и материя в основе благая. Здесь — материя есть нечто что должно быть преодолено, что само себя растворит, когда душа поднимется через неё. Это позиция орфических мистерий. Платонической традиции. Зороастрийского дуализма. Египетских школ Гелиополя.

И это точно та же позиция, которая через семьсот лет станет учением катаров. Катары будут учить что материя — творение низшего бога, который удерживает души в плену. Что освобождение состоит в восхождении души через сферы. Что *consolamentum* — возложение рук — есть инструмент активации внутреннего знания, которое уже есть в человеке.

Магдалина первого века говорит точно то же самое.

Здесь нужна честная оговорка. Можно ли восстановить

непрерывную цепь передачи от Магдалины до катаров через эти семь веков — отдельный исследовательский вопрос. Документально такая прямая генеалогия не восстанавливается. Семь веков подполья не оставляют сплошных архивов. Но типологическое единство учения неоспоримо. Тот же поток мысли. Тот же набор учений. Та же позиция, противоположная официальному христианству.

Когда инквизиция жгла катаров — она жгла традицию, для которой Магдалина была первым голосом в Европе. Знала Церковь о прямой передаче или интуитивно опознавала ту же ересь в новой форме — суть от этого не меняется. Линия мысли, появившаяся в Провансе в первом веке, через семь столетий проросла на той же территории в той же форме. Это типологическое подтверждение, которого достаточно для нашего расследования.

VIII. СЕДЬМАЯ УЛИКА. ОТКУДА ЭТО ВСЁ В НЕЙ.

Соберём всё, что есть.

Космология семи Властей — иранско-митраистская. Техника ответов архонтам — гностическо-египетская. Учение о растворении материи — платоническо-орфическая. Толкование псалмов и од на мистическом уровне — жреческая деятельность. Использование терминов плеромы и сизигии — александрийская традиция. Знание имён всех Властей — степень посвящения высшая.

Это не верующая женщина из Палестины. Это посвящённая в синкретической традиции, которая в первом веке существовала в одном месте мира — там, где сходились египетские, иранские, греческие и сирийские мистериальные потоки.

И вот ещё одно независимое подтверждение из той же эпохи. Манихейский Псалмовник — собрание псалмов третьего-четвёртого века на коптском, обнаруженное в Мединет-Мади в Египте в 1929 году. Манихейство — синкретическая религия Мани, объединявшая зороастризм, гностическое христианство и буддизм. В Псалмах Гераклида этого собрания Мария Магдалина появляется как первая получательница Воскресения, та кому Радомир вверяет мис-

сию благовестия. Это независимая от римского канона ветвь, шедшая через Сирию и Персию.

Иными словами — в той самой зороастрийско-митраистской среде, где митраизм был родным, не чужим — Магдалина была главной фигурой передачи. Не маргинальной. Не покаявшейся. Главной. И это сохранилось в манихейской традиции, потому что манихейцы говорили на том же языке мистерий, что и она. Они её узнавали.

И вот теперь о том, откуда конкретно в ней этот язык.

Митраизм традиционно считается мужской мистерией. Но это упрощение. Существовала параллельная женская ветвь связанная с Анахитой — иранской богиней-сестрой Митры. Культ Анахиты был широко распространён по всей восточной Малой Азии. От Зелы в Понте до Кастабалы в собственно Каппадокии, где Анахита отождествлялась с Артемидой Перасией. Страбон описывает её храм в Кастабале в книге двенадцатой Географии, глава вторая, параграф седьмой.

Кастабала находилась на территории Ариобарзанидов. На той самой территории, откуда вышел Радомир. Жрицы Анахиты в каппадокийских святилищах проходили те же ступени посвящения что митраисты-мужчины, но в женских общинах с женскими преемственностями.

В Прованс эта традиция могла прийти двумя путями. Через греческие колонии Массалии ещё в четвёртом веке до нашей эры — через эллинистический культовый обмен. Че-

рез сирийские и финикийские купеческие сети, которые археологически фиксируются в Галлии с эллинистического периода.

И здесь нужна осторожность в формулировках. В крипте церкви Сент-Мари-де-ла-Мер стоит древний языческий алтарь дохристианского происхождения, традиционно описываемый как тавроболический. Его культовая атрибуция оспаривается — Кибела как богиня, которой тавроболий действительно был посвящён, эллинистический митраизм, или кельтский субстрат — но факт древнего сакрального использования этого места задолго до прихода Магдалины несомненен. Жреческие культы — связанные с быком как сакральным животным, с водой, с богиней-матерью — существовали здесь за столетия до её прибытия.

Это даёт ответ.

Магдалина — жрица анахитско-митраистской традиции прошедшая высшие ступени посвящения. Из жреческого рода Прованса. Её речь содержит технический язык недоступный непосвящённым. Она говорит на том же языке что Радомир, потому что они из одной школы — но из разных её ветвей.

Радомир — мужская ветвь, Каппадокия, Гелиополь. Магдалина — женская ветвь, Прованс, Анахита.

Они встретились как два посвящённых одной системы из разных её потоков. Два потока одной реки, которые расходились тысячелетия и сошлись в одной точке.

IX. ВОСЬМАЯ УЛИКА. КТО ПРИБЫЛ С НЕЙ.

Тексты можно сжечь. Канон можно переписать. Проповедь можно произнести с папской кафедры и закрепить на тысячу четыреста лет. Но есть одно что переделать сложнее. Землю. Камни. Маршруты, по которым люди ходят к одному и тому же месту тысячу лет подряд.

В случае Магдалины эта земля — Прованс. Юг сегодняшней Франции. То что в первом веке называлось Нарбонской Галлией и было одной из самых развитых провинций Римской империи.

Местная устная традиция передаётся непрерывно две тысячи лет. И она говорит конкретные вещи, которые христианский канон никогда не утверждал — но и не смог стереть.

Она прибыла по морю. Лодка без вёсел и парусов — это образ устной памяти означающий «без посторонней помощи, по сокровенному маршруту». Высадилась в устье Роны, в месте, которое сегодня называется Сент-Мари-де-ла-Мер.

По провансальской традиции — между 43 и 45 годом нашей эры. Точная дата документально не зафиксирована и реконструирована из устных преданий региона, кристаллизовавшихся к двенадцатому веку. Но временной диапазон — первая половина сороковых годов — устойчив во всех вет-

вах традиции.

С ней приплыла группа. Местная традиция называет: Мария Магдалина. Мария Саломея — мать Иакова и Иоанна. Мария Якова — другая родственница из ближнего круга. Марта — её сестра. Лазарь — её брат. Максимин из Вифании. Сидоний — слепой, которого исцелил Радомир. И — самое важное — Иосиф Аримафейский. Тот самый. Член Синедриона. Богатый торговец металлами. Координатор финальной части операции в Византии. Носитель Грааля по средневековым легендам.

Если устная традиция сохранила его в этой группе — значит в Прованс приплыла часть оперативной команды. Не беженцы. Эвакуация архива и людей, которым нельзя было оставаться на востоке после развязки.

И каждый высадившийся имел функцию. По провансальской традиции — Лазарь становится первым епископом Марселя. Его кафедра в кафедральном соборе Сент-Мари-Мажор до сих пор хранит мощи. Максимин становится первым епископом Экса. Марта уходит в Тараскон — стратегическую точку на Роне выше по течению. Магдалина — в горы Сент-Бом, в горный массив возвышающийся над всей областью.

Здесь нужна точность. Эта епископская атрибуция Лазаря и Максимины — позднесредневековая. Документально их епископство в первом веке не фиксируется. Но сам факт, что предание помещает их именно в эти города в качестве осно-

вателей кафедр — структурная улика.

Раннесредневековая Церковь Прованса возводила свою преемственность к этой группе, а не к римской миссии. Это значит — на местном уровне знали или верили, что эти люди здесь были и здесь основали структуру.

И структура эта повторяет то, что Радомир делал в Византии. Разные каналы влияния. Разные территории. Разные функции. Прованс — это повторение той же структуры в новых землях.

С одной разницей. Здесь главная — она.

Х. ДЕВЯТАЯ УЛИКА. ТО, ЧТО МЕСТО ХРАНИЛО ДО НЕЁ.

В составе группы прибывшей в Камарг местная традиция называет одно имя, которое требует отдельного честного разбора. Сара.

Это самая поздняя из всех фигур легенды. Первое документальное упоминание — *Légende des Saintes-Maries* 1521 года. В муниципальных архивах Сент-Мари семнадцатого-восемнадцатого веков она не фигурирует — это установлено исследованием Gangneux 1988 года. Современная процессия Сары к морю учреждена только в 1935 году маркизом Фольцо де Баронселли. Цыганская традиция связала с ней свою богиню Кали уже после прихода Роми в Европу в двенадцатом-четырнадцатом веках.

Казалось бы — поздняя выдумка. И серьёзный критик имеет полное право указать на это.

Но за выдумкой надо объяснить два упрямых факта.

Первый. Сама позиция Сары — внизу, в крипте, отдельно от верхнего пространства церкви — соответствует структуре доримского сакрального места. Подземная Чёрная Богиня под верхним святилищем — это паттерн культовых мест по всему Средиземноморью. Деметра-Мелайна — Чёрная Деметра — стояла в подземных пещерах. Артемида Эфесская

имела подземное святилище. Кибела — то же самое. Если фигуру Сары в шестнадцатом веке вписали в позднюю легенду — она вписывалась в место, которое уже было готово принять Чёрную Богиню. Место помнило кого хранить.

Второй факт. Цыгане, придя в Прованс в четырнадцатом-пятнадцатом веках, опознали в местной тёмной фигуре свою богиню Кали. Имя совпало с одним из имён индийской Дурги в тексте *Durgasaptashatī* третьего века нашей эры. Тип статуи совпал. Ритуалы омовения в море совпали с индийскими ритуалами Кали, в которых статую богини носят в воду один раз в год.

Это не «цыгане принесли свою богиню». Это они узнали то, что уже стояло на месте. Оpozнали древнейший общеевропейский архетип Тёмной Богини, выживший здесь в латентной форме.

«Чёрная» — древнейший жреческий титул высшей ступени посвящения. Кали в Индии, Иштар в Месопотамии, Кибела во Фригии, Артемида Эфесская — все эти богини изображались тёмными. Тёмная богиня — это древнейший архетип женского жреческого начала, связанный с подземным миром, мудростью корней, инициациями глубокого уровня.

Не имеет принципиального значения, встречала ли Сара исторически Магдалину в первом веке. Имеет значение что место — крипта Сент-Мари-де-ла-Мер с её древним языческим алтарём и Чёрной Фигурой — было готовым местом приёма жреческой традиции Чёрной Богини задолго до пер-

вого века.

На это место приплыла Магдалина не случайно. Она вернулась к узлу той же сети, к которой принадлежала сама. И средневековая легенда о Саре — это не выдумка из ничего. Это попытка позднего сознания назвать то, что место хранило с глубокой древности. Имя Сара — это попытка имени для того, что не имело имени, но было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.